

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ТЕКСТОВ

УДК 94(410.1)"12"

doi 10.17072/2219-3111-2019-3-184-188

ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ – 800 ЛЕТ АДАПТАЦИИ К НОВОМУ, ИЛИ КАК ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАЛИ ЗАЩИТНИКИ СВОБОД (ПО ПОВОДУ КНИГИ «ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ: ИСТОРИЯ, КОНТЕКСТ И ВЛИЯНИЕ»)¹

С. В. Кондратьев

Тюменский государственный университет,
625003, Тюмень, ул. Семакова, 10
skondratiev@utmn.ru

Книга «Великая хартия вольностей: история, контекст и влияние» состоит из восьми очерков ведущих британских историков, которые были написаны на основе докладов, прочитанных 10–11 сентября 2015 г. в Пекинском университете на большой китайско-британской конференции «Прошлое и будущее: 800 лет Великой хартии вольностей». В книге показана судьба Великой хартии вольностей, которая представляла собой мирный договор между королевской властью и мятежными баронами, и полная драматизма рецепционная жизнь документа. Хартия, как убеждены авторы книги, была типичным документом классического Средневековья, аналогичным венгерским, испанским и южнофранцузским соглашениям. Английский случай отличался тем, что хартия наложила на правителя более радикальные и детальные рестрикции. Несмотря на усилия монархии, она не была забыта благодаря заботам церкви, постоянно оглашавшей текст хартии в XIII в. Возрождение Великой хартии вольностей и обретение ею новых смыслов происходило в позднетюдоровской и раннестюартовской Англии. В предреволюционное и революционное время (1640–1660) ее положения экстраполируются на все население Англии. Статьи хартии используются для того, чтобы представить политику королевской власти как произвольную, нарушающую положения права, посягающую на свободу и собственность подданных. Актуализированная, реинтерпретированная и осовремененная в XVII в., хартия в XVIII и XIX вв. привлекает как источник аргументов и обоснований американских колонистов, английских радикалов и даже консерваторов. Ее значение становится глобальным, однако обращение к ней теряет содержательный и обретает ритуальный, символический характер.

Ключевые слова: Великая хартия вольностей, мятеж, Эдвард Кок, свобода, право, революция, символ, память, юбилей.

В июне 2015 г. человечество отмечало 800-летие со дня издания английским королем Иоанном Безземельным Великой хартии вольностей (далее – ВХ). Этому событию были посвящены сотни статей, публичных лекций, десятки мероприятий и конференций. Пекинский университет и китайские медиевисты не остались в стороне и провели 10–11 сентября 2015 г. большую китайско-британскую конференцию «Прошлое и будущее: 800 лет Великой хартии вольностей», обозначив важность для современного Китая западноевропейских средневековых исследований. Китайские ученые из разных университетов сделали девять больших специальных докладов, которые еще ждут издания [Magna Carta, 2018, p. 11]. Через три года британцы опубликовали свои доработанные тексты отдельной книгой, получившей наименование «Великая хартия вольностей: история, контекст и влияние».

Все очерки, собранные в книгу, объединяет общий замысел – показать меняющееся восприятие ВХ с XIII по XIX в., рецепционную жизнь документа и ее трансформирующее воздействие в Британии и США. Задачу, поставленную авторами, не назовешь новой. В историографии уже есть два фундаментальных исследования – Файт Томпсон [Thompson, 1948] и Джона Бейкера [Baker, 2017] – охватывающих рецепционную жизнь ВХ с XIII по XVII в., и обобщающая монография Ральфа Тэрнера [Turner, 2003], которая включает историю ВХ в XIX–XX вв. Авторы рецензи-

руемой книги не стремятся охватить всю историю рецепционной жизни ВХ, останавливаясь на важных, на их взгляд, моментах.

Книга открывается текстом Лоренса Голдмена (Lawrence Goldman), неожиданно сопоставляющего юбилей ВХ с другими коммеморативными мероприятиями последнего времени: столетием с начала Первой мировой войны (1914), победой англичан над французами при Азенкуре во время Столетней войны (1415), победой союзных армий над Наполеоном под Ватерлоо (1815), победой над нацизмом во Второй мировой войне (1945). Он отмечает, что отличие празднований юбилея ВХ от празднований военных юбилеев состоит в том, что в ходе юбилея ВХ подчеркивалось ее всемирное значение как документа, который «охранял права невиновного и гарантировал судебное разбирательство на основе закона» [Magna Carta, 2018, p. 3]. Семиотика открытого к юбилею памятника манифестирует эти идеи: сооруженные на лугу Раннимид 12 бронзовых стульев с инсталлированными профилями исторических персонажей (композиция называется «присяжные») призваны символизировать «успешную борьбу за справедливость и равные права» – от эмансипации крепостных до отмены рабства и освобождения Нельсона Манделы [Magna Carta, 2018, p. 3–5]. По мнению автора, если отдельные юбилеи могут вызывать отрицательные коннотации у части общества (юбилеи Французской революции 1789 г., Русской революции 1917 г.), то юбилей ВХ способствует только упрочению британской идентичности и появлению чувства общей сопричастности древнему документу и солидарности [Magna Carta, 2018, p. 8–9, 15].

Компаративистика присутствует в двух следующих очерках. На ВХ принято смотреть как на краеугольный камень современной демократии Британии и англосаксонских стран. Но Дэвид Карпентер (David Carpenter), самый авторитетный современный исследователь ВХ и создатель новейшего ее перевода на английский язык [Carpenter, 2015, p. 120–135], решает взглянуть на ВХ через призму всего европейского Средневековья. Он подчеркивает, что в соглашении между Иоанном Безземельным и мятежными баронами не было ничего нового и оно полностью укладывается в средневековую европейскую традицию. Английский случай отличался от испанских, венгерских и южнофранцузских аналогов тем, что ВХ наложила на правителя более радикальные и детальные рестрикции, которые были вызваны беспрецедентными военными поражениями, территориальными потерями, беспримерными жестокостями и невероятными финансовыми поборами [Magna Carta, 2018, p. 19–21]. Вместе с тем Дэвид Карпентер отмечает, что видеть в ВХ просто «феодальный документ» тоже неправильно. Статьи, защищающие свободу церкви (статья 1), вольности Лондона и других городов (статьи 12, 13), поднимающие значение рыцарства (статьи 18, 48), гарантирующие судебное разбирательство на основе общего права и предписывающие преследование должностных лиц короля за злоупотребления, обладали потенциалом для будущего. Экземпляры ВХ, подчеркивает исследователь, рассылались не шерифам в графства, как думали раньше, а в церковные диоцезы. Духовенство не давало о ней забыть, постоянно оглашая текст хартии. Редуцированный и измененный при Генрихе III текст ВХ (1225) постоянно воспроизводился в хрониках, картуляриях и переписывался юристами для своих коллекций. С 1300 г. ее начинают декламировать на понятном для народа английском языке. Все это позволяет Дэвиду Карпентеру говорить о неутрачиваемой для XIII в. актуальности документа [Magna Carta, 2018, p. 21–23].

Николас Винсент (Nicholas Vincent) исследует влияние ВХ на становление современного западного понимания свободы. Начало было положено, пишет он, политическими провалами Иоанна Безземельного. В результате правитель перестал соответствовать нормативным представлениям о короле, который должен неусыпно укреплять (если не может расширить) границы своего государства, защищать подданных от внешних вторжений, обеспечивать правовую защиту их вольностей и собственности [Magna Carta, 2018, p. 27]. Заключенное после мятежа баронов при посредничестве архиепископа Кентерберийского Стефана Лэнгтона и епископов соглашение было договором о мире, который ограничивал королевскую власть и учреждал комитет из 25 баронов (статья 61) для контроля за его исполнением. Бароны могли в случае нарушения соглашения принуждать монарха вернуться в правовое поле посредством войны [Magna Carta, 2018, p. 30–31]. Статьи ВХ, как отмечает Николас Винсент, продолжая начатые Д. Карпентером сопоставления ее текста с другими средневековыми пожалованиями, содержали положения, аналогичные положениям южнофранцузского «Статута Памье» (1212) или близкие к ним.

ВХ, по мнению Николаса Винсента, реинтерпретировали и адаптировали в процессе многочисленных подтверждений 1253, 1265, 1297, 1310 гг. Одни статьи стали «анахроничными» уже к

середине XIII в. и перестали использоваться, другие, как статья 61, способствовали зарождению и становлению парламента, что побуждало издавать парламентские акты. ВХ в редакции 1225 г. в дальнейшем издавали как парламентский акт, что помогало профессиональному становлению юристов и развитию правосознания. Складывавшаяся параллельно мифологическая традиция о ВХ как сокровищнице древних свобод позволяла находить безграничные рецепционные возможности, которые были раскрыты в предреволюционной Британии в работах Эдварда Кока (1552–1634), в процессе суда над Карлом I (1649), в ходе выработки английского Билля о правах (1688), в апелляциях американских колонистов 1760-х гг., отказывающихся платить налоги Британии. Знаменитые статьи 39 и 40 ВХ, запрещающие произвольные аресты, и менее знаменитые статьи 1 и 13, гарантирующие права церкви и вольности Лондона, до сих пор остаются частью английского права и в трансформированном виде присутствуют в первых десяти поправках к Конституции США (Билль о правах), «Декларации человека и гражданина» Французской революции, ооновской «Всеобщей декларации прав человека» (1948) [Magna Carta, 2018, p. 32–37].

Софи Амблер (Sophie Ambler) останавливается на пятидесятилетнем периоде между принятием ВХ и созывом первого парламента (1265), который она считает решающим в становлении английского парламентаризма и утверждении ВХ в редакции 1225 г. ВХ не была предана забвению. Впервые в исторической науке она выражает мысль о том, что главная заслуга в сохранении деятельности ВХ принадлежит не светским феодалам, а церкви и английским епископам. Делая историковедческие экскурсы в предшествующую ВХ эпоху, исследовательница показывает, что католическое духовенство уже с XII в. доктринально обосновывало ограничение королевского права казнить и судить подданного или идти на него войной. Начиная с переговоров с королем Иоанном Безземельным, епископы брали на себя роль посредников между враждующими сторонами, заявляли о праве следить за исполнением соглашений, прибегали к церковным отлучениям [Magna Carta, 2018, p. 41–50].

Два очерка повествуют о революционном XVII веке, когда ВХ пережила второе рождение и стала актуальна. Джордж Гарнетт (George Garnett) посвятил свое исследование Эдварду Коку, выдающемуся юристу предреволюционной Англии, который «воскресил» ВХ. Проанализировав предисловия к его судебным отчетам и трактат о Великой хартии вольностей, которым открывается второй том «Институций» Эд. Кока, он приходит к заключению, что юрист пользовался редакцией 1225 г., хотя и знал о том, что она является сокращенным вариантом редакции соглашения с Иоанном Безземельным. Эд. Кок считал ВХ 1225 г. воспроизведением положений англосаксонского древнего права, подтвержденного затем Вильгельмом Завоевателем и коронационными клятвами Генриха I (1100), Стефана (1135), Генриха II (1154). Происхождение знаменитого судебного приказа habeas corpus, предписывающего доставлять человека, заключенного властью без предъявления обвинения, в суд, Эд. Кок впервые в английской юриспруденции связывает со знаменитой статьей 39 (в редакции 1225 г. статья 29) ВХ, запрещающей аресты без решения «суда равных». Актуализация ВХ привела к активному ее использованию в споре депутатов с короной в парламенте 1628 г., когда обсуждалась и принималась Петиция о праве, аресте манускриптов юриста после его смерти в 1634 г. и их издании по решению Долгого парламента в начале революции [Magna Carta, 2018, p. 51–60].

Рочел Фоксли (Rachel Foxley) исходит из того, что революция в Британии была не только полем военных сражений, но и борьбой идей. Разные силы старались использовать ВХ в качестве аргументов в пропагандистской войне. До революции особенно активными были Эд. Кок, другие юристы общего права и парламентарии 1628 г., которые видели в ВХ собрание английских свобод. Опираясь на авторитет ВХ, они доказывали, что королевская власть отступает от норм древнего английского права [Magna Carta, 2018, p. 61–69]. В ходе революции к ВХ в интерпретации Эд. Кока повсеместно прибегали левеллеры (1645–1649). ВХ оказалась пригодной не только для того, чтобы отстаивать права «свободнорожденных англичан», но и для того, чтобы отвергнуть саму монархию как форму правления, унаследованную от Вильгельма Завоевателя, и бороться с «тиранией» нераспускающегося, узурпирующего власть Долгого парламента. Вместе с тем левеллеры и другие радикальные силы в ходе революции шли дальше Эд. Кока и приходили к выводу о том, что ВХ, как соглашение между баронами и королем, не охватывает все «естественные права» англичан [Magna Carta, 2018, p. 72–77].

Гарри Дикенсон (Harry Dickinson) пишет об использовании ВХ американскими колонистами в ходе Войны за независимость. Еще со времен основания колоний legislatures отдельных штатов декларировали, что их переселенцы имеют те же права и свободы, которые ВХ предоставила жителям Англии [Magna Carta, 2018, p. 81–82]. Однако в отличие от англичан времен революции XVII в. американцы век спустя апеллировали к ВХ скорее ритуально, уверенные, что документ охраняет древнюю конституцию и ставит любую власть ниже права, включая власть парламента. Парламент не может принимать акт, противоречащий древним фундаментальным законам. Это убеждение позволяло выступать против произвольных арестов и заявлять о незаконности налогов, поскольку колонисты не представлены в парламенте метрополии. В середине 1770-х гг. большая часть колониальной печатной продукции, направленной против произвола метрополии, сопровождалась гравюрами, изображающими ВХ [Magna Carta, 2018, p. 84–86]. Выступая против налогов и решений судов, колонисты использовали интерпретации Эд. Кока [Magna Carta, 2018, p. 91–94]. Начав принимать собственные конституции, штаты включали в них положения, аналогичные статье 39 ВХ, т.е. запрещающие произвольные аресты и проволочки правосудия [Magna Carta, 2018, p. 95]. После 1783 г., добившись независимости, лидеры США утратили на время потребность обращаться к ВХ. В Конституции США 1787 г. ее влияние почти незаметно. Но затем антифедералисты, под чьим давлением вырабатывался и принимался Билль о правах (1791), стали постоянно апеллировать к ВХ. Гарри Дикенсон отмечает, что ряд первых поправок к Конституции США представляют собой адаптированные заимствования из ВХ [Magna Carta, 2018, p. 98].

В заключительном очерке, написанном Александром Локом (Alexander Lock), показано, что в XVIII–XIX вв. после предреволюционных и революционных реинтерпретаций XVII в. ВХ превратилась по идейному воздействию в интернациональный документ. В значительной мере это качество она обрела благодаря построению Британской империи, поскольку к положениям ВХ обращались и юристы в Бенгалии, и мятежники в Северной Америке. Ее как источник права использовали в спорах о свободе прессы, о необходимости проведения избирательной реформы, об отмене тарифов и улучшении системы налогов. Однако ее мало читали. ВХ все больше превращалась в «символический документ», «эмблему» славного прошлого и исконных свобод. Ее именно как символ свободы использовали британские радикалы и чартисты, выступающие за парламентскую реформу. Парадоксально то, что между 1826 и 1969 гг. парламент, отменяя действие статей ВХ, оставил до сегодняшнего дня не утратившими силу только три ее статьи. В начале XX в. британские суфражистки призывали в борьбе за права женщин прибегать к таким же радикальным методам, какие использовали в XIII в. мятежные бароны. Но к ВХ обращались и консерваторы, утверждающие, что радикалы стремятся подорвать парламентскую демократию и разрушить установленный ВХ порядок. Начиная с Эдмунда Берка, ВХ как документ стабильности и эволюционирующего устройства будут противопоставлять радикальным переменам Французской революции. Адаптационные ресурсы, имеющиеся в ВХ, позволяли апеллировать к ней не только англичанам, но и шотландцам и валлийцам, усматривающим в ВХ наследие законов древних бриттов, что давало возможность укреплять формирующуюся британскую идентичность [Magna Carta, 2018, p. 101–116].

В обсуждаемой книге нарисована судьба ВХ, которая, несмотря на усилия монархии, не была забыта в XIII в. Возрождение ВХ и обретение ею новых смыслов происходило накануне и в ходе революции в Британии (1640–1660). Теперь ее положения экстраполируются на все население Англии. Актуализированная, реинтерпретированная и осовремененная в XVII в., ВХ в XVIII и XIX вв. как источник аргументов и обоснований привлекает американских колонистов, английских радикалов и даже консерваторов. Она обретает эластичность и глобальное значение, однако обращение к ней носит скорее ритуальный, символический характер.

К сожалению, рецензируемая книга авторитетных историков не свободна от недостатков. Хронологическая лакуна, охватывающая все позднее Средневековье и часть раннего Нового времени, оставляет без ответа вопрос о том, была ли ВХ в обороте в указанное время или оказалась, как думали прежде, забытой. Высказанная недавно Дж. Бейкером точка зрения, согласно которой между серединой XIV и серединой XVI в. судебные подворья становятся главным местом хранения ВХ, а лекции юристов (readings) – главными инструментами трансляции и адаптации ее положений, осталась [Baker, 2017, p. 69–109]. Думается, чрезвычайно полезным было бы рассмотреть проблемы французского языка английского судопроизводства и английского правового образования в

Средние века и раннее Новое время, латинского языка ВХ и ее английских переводов и толкований, что способствовало бы раскрытию адаптационного потенциала ВХ и механизмов его реализации.

Примечания

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-011-00581 «Великая хартия вольностей в правовых трактатах, парламентских дебатах и судебной практике предреволюционной Англии».

Библиографический список

- Baker J.* Reinvention of Magna Carta 1216–1616. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. XLIX, 570 p.
- Carpenter D.* Magna Carta: With a New Commentary. New York: Penguin Classics, 2015. 624 p.
- Magna Carta: History, Context and Influence / ed. by L. Goldman. London: University of London, School of Advanced Studies, Institute of Historical Research, 2018. 122 p.
- Thompson F.* Magna Carta: Its Role in Making of the English constitution 1300–1629. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1948. X, 410 p.
- Turner R.V.* Magna Carta Through Ages. London: Longman, 2003. X. 256 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 18.10.2018

MAGNA CARTA – 800 YEARS OF ADAPTATION TO THE NEW, OR HOW IT HAS BEEN USED BY THE DEFENDERS OF FREEDOMS. ON THE BOOK "MAGNA CARTA: HISTORY, CONTEXT AND INFLUENCE"

S. V. Kondratiev

Tyumen State University, Semakov str. 10, 625003, Tyumen, Russia
skondratiev@utmn.ru

The book “Magna Carta: History, Context and Influence” contains eight essays by prominent British historians, read as reports at Peking University (PKU) in Beijing at a great conference held on 10–11 September 2015 and entitled ‘Retrospect and prospect: the 800th anniversary of Magna Carta’. The book describes the destiny and legacy of Magna Carta, which was a peace treaty between the royal power and rebellious barons, and the dramatic reception life of the document. The authors of the book convince there was nothing new in the ideas behind the document. It was similar to the Hungarian, Spanish and South French agreements. The English case was distinguished by the fact that Magna Carta imposed more radical and detailed restrictions on the ruler. Despite the efforts of the monarchy and thanks to the concerns of the church, which members constantly read out the text of the document, it was not forgotten in the 13th century. The revival of Magna Carta and its new meanings took place in pre-revolutionary and revolutionary England (1640–1660), when its provisions were extrapolated to the entire people of the country. Clauses of the document were used to point out the policy of royal power, as an arbitrary, violating the provisions of the law, encroaching on the freedom and property of subjects. The document was actualized, reinterpreted and modernized in the 17th century, and then, in the 18th and 19th centuries it attracted American colonists, British radicals and even conservatives as a source of arguments and justifications. Magna Carta obtained global significance but was rarely read by those who used it and thus became ritual and symbolic.

Key words: Magna Carta, rebellion, Edward Coke, liberties, law, symbol, memory, anniversary.

References

- Baker, J. (2017), *Reinvention of Magna Carta 1216–1616*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 570 p.
- Carpenter, D. (2015), *Magna Carta: With a New Commentary*. Penguin Classics, New York, USA, 624 p.
- Goldman, L. (ed.) (2018), *Magna Carta: History, Context and Influence*, University of London, School of Advanced Studies, Institute of Historical Research, London, UK, 122 p.
- Thompson, F. (1948), *Magna Carta: Its Role in Making of the English constitution 1300–1629*, University of Minnesota Press, Minneapolis, USA, 410 p.
- Turner, R.V. (2003), *Magna Carta Through Ages*, Longman, London, UK, 256 p.